

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Дарьи Кузнецовой
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

**КОШАЧЬЯ ГОРДОСТЬ, ВОЛЧЬЯ ЧЕСТЬ
МАСТЕР ОРУЖЕЙНЫХ ДЕЛ**

Дарья КУЗНЕЦОВА

**МАСТЕР
ОРУЖЕЙНЫХ ДЕЛ**

Роман

Москва, 2017
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Д69

Серия основана в 2004 году
Выпуск 659

Художник
О. Бабкин

Кузнецова Д. А.

Д69 Мастер оружейных дел: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 345 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-2517-4

В Приграничье не любят чужаков и говорят, что ветер перемен пахнет смертью. Когда на пороге оружейной лавки появился приезжий маг, ее хозяйка, мастер Нойшарэ Л'Отгар, сразу почуяла неприятности, следующие за незнакомцем по пятам. Но девушка даже предположить не могла, что короткий разговор не только перевернет ее жизнь, но и изменит судьбу Приграничья и всей страны.

Черeda убийств, старые тайны, легендарные существа, непонятные чувства... Что еще принесет ветер перемен мастеру Нойшарэ?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Кузнецова Д. А., 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2517-4

*Автор благодарит за неоценимую помощь
в редакции Наталию Лебедеву, Dilette, Стину,
Женьку, Ирину и остальной коллектив светелки.*

Часть первая

ВЕТЕР ПЕРЕМЕН

Нойшарэ Л’Оттар

Я полусидела за стойкой, широко раскинув локти, положив подбородок на сложенные друг на друга ладони, и искоса разглядывала происходящее за стеклом. Там, снаружи, кипела жизнь. Туда-сюда сновали люди и порой медленно проползали гужевые телеги, короткие и узкие, запряженные низкорослыми степными лошадами: моторам на тесных улочках Баладдара не проехать, поэтому в городе их нет. Только такие вот небольшие повозки да верховые, которых, впрочем, очень мало.

Нормальное начало нормального рабочего дня.

Впрочем, нет, не нормальное. Работать категорически не хотелось, до такой степени, что я уже почти собралась закрыть лавку и уйти в дом, заняться чем-нибудь полезным. Единственное, что меня останавливало от решительного шага, так это понимание: ни на что полезное я сейчас все равно не способна. В кузницу идти лень, решать хозяйственные вопросы — лень вдвойне. Хотелось завалиться на часок на диван с интересной книжкой, и чтобы никто не беспокоил. Решимость устроить внеплановый выходной почти успела сформироваться, но тут же разбилась мелодичным «динь-дилинь» колокольчика, возвестившего о посетителе.

Вошедший мужчина с любопытством огляделся. Вытянутое помещение три на восемь метров располагалось нехарактерно, не уходило в глубину здания, а тянулось вдоль фасада. Массивная стойка занимала один конец комнаты, остальное пространство — столы, стеллажи и все стены — заполнял то-

вар. Дверь во внутренние помещения в углу за стойкой, да вдоль «уличной стены» два окна-витрины с входной дверью между ними — вот и вся обстановка.

Пока визитер озирался, я с не меньшим интересом разглядывала его самого. Не местный, наверняка столичный тип: светлая кожа и темные волосы отличали его от уроженцев Пограничья. В наших краях даже дворянство щеголяет ровным загаром, и «масть» распространена более светлая, вроде моей русой косы. Одет с иголочки и явно у личного портного, то есть — не простой работяга, но назвать посетителя «столичным франтом» язык не поворачивался. Его выдавала спина. Военную выправку ничем не выбьешь, как и повадки; да и сюртук, видневшийся под распахнутым пропыленным плащом, очень походил на форменный. Правда, я так и не смогла определить, кому принадлежит эта форма, поэтому склонялась к мысли, что сюртук сшит на заказ сообразно вкусам хозяина.

— Чем могу помочь, рен¹? — привлекла я его внимание и нехотя выпрямилась, когда посетитель, явно не заметив меня, медленно двинулся к ближайшей стойке с клинками, разглядывая представленные образцы. Мужчина вздрогнул и обернулся.

— Доброе утро, рена. Я бы хотел поговорить с мастером оружейником Л'Отгар, — сообщил он, снимая шляпу и приветствуя меня вежливым кивком. Взгляд с явным интересом обвел мое лицо, спустился ниже, изучая ту часть фигуры, что виднелась над стойкой. Кажется, увиденное ему понравилось: плеха плотно облегла тело и подчеркивала все изгибы и выпуклости.

На взгляд столичного гостя, наверное, смотрелась она достаточно экзотично. Плеха — национальная одежда (и женская и мужская) Приграничья, которая представляет собой облегающую безрукавку длиной до середины бедра с боковыми разрезами до талии, шнуровкой на боках и высоким воротни-

¹ Р е н и р е н а — наиболее распространенное вежливое обращение к людям своего круга. К людям заведомо более старшего круга принято обращаться с а р и с а р т а, низшего — н и й и н и я. — *Здесь и далее примеч. авт.*

ком. Чаще всего шьется из тонкой, хорошо выделанной замши и зачаровывается от грязи и пота. Главное достоинство плехи — совсем не ее внешний вид, а тот факт, что она заодно может служить поддоспешником. В этом случае на плеху надевается верда, представляющая собой короткую, едва покрывающую ребра рубаху из толстой ткани с длинными прямыми рукавами и широкой горловиной.

На губах посетителя появилась явно заинтересованная улыбка, он открыл рот, чтобы еще что-то сказать, но я предпочла назваться сразу, дабы избежать конфликта:

— Вы с ним уже разговариваете, рен.

Мужчину сложно в чем-то обвинять, вполне типичная реакция: те, кто меня не знает, редко принимают всерьез. Незачем из-за этого ругаться, как бы ни подталкивало к тому дурное настроение.

Он подошел ближе и позволил разглядеть себя внимательней. Высокий, я смотрела на него снизу вверх, и даже, наверное, красивый, не просто симпатичный. Породистый нос с легкой горбинкой и высокие скулы придавали узкому лицу волнующую хищность, а глубокие темные глаза зачаровывали и, кажется, заглядывали в самую душу. Улыбка ему очень шла, но почему-то добавляла усталости и возраста.

— Вы?! — с удивлением протянул он.

Я ответила выжидательным взглядом. На какое-нибудь неприятное замечание готовилась и почти хотела ответить откровенной грубостью: например, предложить поискать настоящего мастера под столом или сообщить, что я его убила и съела.

Несколько долгих секунд на лице посетителя боролись эмоции, но потом он все же одернул себя.

— Прошу прощения, мастер. — Мужчина склонил голову в безукоризненно вежливом поклоне. — Я не сумел представить вас...

— В кузне? — понимающе хмыкнула я, тоже оттаяла и взяла себя в руки. Нечего срывать дурное настроение на потенциальных клиентах, тем более — приличных и явно не бедствующих. И вообще, среди людей, привыкших командо-

вать, способность признавать свои ошибки — большая редкость, и стоит проявить снисходительность хотя бы из-за одного этого. — Работа мастера заключается не в том, чтобы раздувать мехи и махать молотом. Так чем я могу помочь? Желаете выбрать подарок? Или, быть может, боевое оружие? — предложила вкрадчиво. Тип явно при деньгах, почему бы не воспользоваться? — Могу показать несколько чудесных клинков.

— Нет, благодарю. — Он качнул головой и полез в карман плаща. — Оружие я предпочитаю делать на заказ.

Я удовлетворенно кивнула. Гроку ясно, что оружие, заказанное под свою руку и свою аuru, по всем параметрам превосходит даже очень хорошее, но — чужое. Приятно работать с понимающими людьми.

— Нужна консультация по поводу одного экземпляра. — Он извлек из кармана плаща нечто, завернутое в белый платок, оказавшееся кинжалом в ножнах. — Мне сказали, что вы единственный серебряный мастер в городе.

Я кивнула, подтверждая эту информацию. Уровень мастерства оружейника отмечается цеховым медальоном с изображением клинка на щите. Обычно щит черный, белым могут похвастаться только потомственные мастера, занимающиеся этим делом не меньше десятка поколений, а клинок зависит от заслуг конкретного специалиста. Высший — медный, мастеров такого уровня очень мало, около двух десятков на весь Туран. Следующий серебряный, потом золотой, потом железный, а начинающие мастера и подмастерья довольствуются щитом без клинка. Насколько я знаю, такая странная градация сложилась без особого умысла: в давние времена медальонов не было вовсе, потом захотелось выделить мастеров, и появился медный клинок, потому что железа тогда не знали. А потом добавились символы из других металлов, но не обесценили медный, а, напротив, превознесли. Даже в чем-то символично, ведь именно с меди начиналось наше ремесло.

И — да, я действительно единственный серебряный мастер из восьми, работающих в Баладаре.

Я не глядя протянула руку к стойке и выудила пару перчаток, металлически поблескивающих мелкими чешуйками. Тонкие, эластичные, они облегли ладони как вторая кожа и не мешали работе.

— Позвольте? — Одной рукой взяла клинок, второй нащупала выключатель, и над стойкой разлился идущий из ниоткуда холодный белый свет, при всей своей яркости совсем не слепящий глаза.

Покрутила кинжал, не спеша освобождать его от ножен. Простая рукоять без украшений, точно такие же ножны, все это достаточно грубое и потертое, но пока не спешащее разваливаться.

— Как интересно, — мурлыкнула себе под нос и медленно, осторожно, как сапер, извлекающий из бомбы взрыватель, потянула кинжал за рукоять. В мертвом бестеневом свете тускло блеснуло матово-серебристое лезвие. — Очень интересно, — повторила, внимательно разглядывая оружие.

— Что именно? — подал голос посетитель.

Я мельком глянула на мужчину и растерянно качнула головой: он напоминал сейчас гончую, взявшую след.

— Позвольте уточнить, какого рода информация вас интересует?

— Вся, — коротко ответил посетитель. — Все, что вы можете сказать про этот кинжал.

— Нож хорошего качества без Клейма, выполнен моим коллегой.

— Вы ведь имеете в виду не подпись мастера, верно? — насторожился он.

— Верно. Существует клеймо, знак авторства, и Клеймо. — Я интонацией выделила последнее слово, которое всегда писалось с заглавной буквы. — Часть силы мастера, особое магическое плетение, которым он скрепляет нити силы оружия. Без Клейма, то есть без участия оружейника, любой клинок останется оружием, но не сможет взаимодействовать с магическими потоками. Однако есть еще один вариант, который мы наблюдаем здесь: Клейма нет, а магия создателя присутствует. Вы сталкивались с подобными образцами?

— Сталкивался, но выслушаю и ваши пояснения, — ответил мужчина. — Интересно знать, насколько мои представления соответствуют действительности.

— Клеймо делает клинок энергетически замкнутым, как обычное заклинание. Уровень магии, которой такое оружие может противостоять, зависит от плотности плетения и силы Клейма, то есть — вполне предсказуем. Клинок же без Клейма представляет собой ненасыщенную высоковалентную структуру и может частично поглощать магию. Идеальный случай, когда потенциал клинка после соприкосновения с силовыми линиями заклинания скачкообразно возрастает до потенциала этого самого заклинания, и оно разрушается. Ну и клинок при этом не страдает, — как по учебнику заговорила я, не забывая поглядывать на посетителя. Тот слушал мои объяснения с неожиданным пониманием и интересом.

— Возвращаясь же к этому конкретному образцу, скажу: он не идеален, действует на чары первого, максимум — второго уровня. Можно было сделать лучше, но вопрос, надо ли? Для каких-то целей хватило бы и этого. Например, для некоторых ритуалов нежелательно присутствие сторонних сил вроде Клейма, но при этом требуется взаимодействие с силовыми линиями. Насчет сложности... хорошему мастеру не составило бы труда справиться с подобным. Особенно если он знаком со структурами без Клейма и регулярно с ними работал. Скажем, я бы смогла сделать такой клинок без предварительной подготовки всего за несколько дней. Так что личность оружейника вам вряд ли удастся установить. Далее. Клинку чуть больше четырехсот лет, плюс-минус лет двадцать. Подобного рода обработка стали использовалась как раз тогда и очень недолго, потом нашли более простой и эффективный способ. Что касается места возможного производства — гадать бесполезно, никаких характерных особенностей, так мог работать мастер в любой из существовавших тогда стран. Рукоять заменена недавно, буквально несколько лет назад, и совершенно точно не профессионалом. Бездарнейшая работа. Предполагаю, замена произведена в связи с утратой оригинала. Таким ножам обычно делают деревянные, реже костяные рукояти, и они куда

сильнее подвержены влиянию времени, чем насыщенный силовыми линиями клинок. Да и некоторые другие следы на материале позволяют предположить, что нож найден сравнительно недавно в месте, где условий для сохранения его в первоизданном виде не было. Ножны явно составляют пару с рукоятью, такая же кустарщина. По части происхождения все, теперь о его хозяевах. Предыдущий был варваром.

— В каком смысле? — растерянно уточнил клиент.

— В переносном. — Я поморщилась, скрывая смущение. — Заточка, мягко говоря, не профессиональная, почти изуродовали хороший нож. Либо человек вообще не знаком с оружием, либо не знаком с такими вот ножами: углы совсем не подходящие, но так точат клинки некоторых мечей. И я бы поставила на второй вариант, потому что полный профан не сумел бы соорудить рукоять, а она хоть и оставляет желать лучшего, но достаточно удобна и хорошо закреплена. Что еще... оружие это не лежало без дела. Во всяком случае, после смены рукояти — точно.

— Поясните.

— Им убивали, — просто ответила я, пожав плечами. — Не пускали кровь, а именно убивали. Причем много. Я могу разглядеть что-то около десяти смертей.

— С момента находки? — напряженно уточнил мужчина.

— Увы, нет. За пару месяцев. — Я развела руками. — Дальше нож уже не помнит — слишком много свежей крови. Так что предположительно нож этот принадлежал либо профессиональному и весьма успешному убийце, либо маньяку, либо... профессиональному маньяку-убийце, то есть — кому-то из Пограничных. — Я хмыкнула. — Этот вариант косвенно подтверждается и неправильной заточкой, потому что мечи у Пограничных как раз нужного типа.

— Пограничной страже? — растерянно переспросил мужчина. — Они разве убивают людей?

— Серые с точки зрения оружия мало отличаются от людей. Гораздо меньше, чем некоторым хотелось бы, — пояснила ему.

— «Некоторым» с какой стороны границы? — полюбопытствовал собеседник.

— Полагаю, с обеих, — серьезно кивнула я. — Впрочем, это было просто предположение: слишком нехарактерное оружие для Пограничных, тем более — чтобы им убивать. И уж тем более — чтобы убивать им Серых! С тем же успехом можно вооружиться, скажем, шилом. Или зубочисткой. Скорее я бы предположила, что его прошлый хозяин — разбойник-головорез, — протянула философски, продолжая вертеть оружие в руках. — Привычный к прямым клинкам вроде тех, которыми пользуются стражи.

— Есть что-то еще, что вы можете сказать про этот нож? — проницательно спросил посетитель, видя, что я не спешу возвращать предмет обсуждения.

— Я не знаю, стоит ли, — честно призналась, пряча кинжал в ножны и аккуратно выкладывая его на поверхность стойки.

— То есть?

— Официальная наука отрицает даже самую возможность существования подобного, — засомневалась я, но, видя заинтересованность клиента, сдалась. Пусть лучше считает меня суеверной, зато совесть будет чиста. — Это нехороший нож, рен. Очень нехороший. Считается, что у вещей нет своей воли, и про остальные предметы я не скажу, но оружие, тем более — старое, да еще попробовавшее крови... У него возникает нечто вроде примитивного интеллекта. Так вот, этот нож очень любит кровь, до фанатизма, и он не заразился этим от последнего владельца, могу вас уверить. Такое не происходит за пару лет. Нет, понятное дело, сам он на вас не бросится, но принести несчастья может и наверняка это сделает. А если, не дай Кузнец, попробует вашей крови, тогда не успокоится, пока не выпьет вашу жизнь. В это довольно сложно поверить, но... Вы же в курсе, что страстные, навязчивые желания имеют свойство сбываться? Так вот, это будет именно такое желание. Принадлежащее всего лишь ножу, но тем хуже: оно окажется слишком определенным, конкретным и чистым, и оттого — слышным богам. Он вас уже сейчас за что-то не любит. Можете считать это чистой воды суеверием, но я не советую вам лишний раз

вынимать клинок из ножен, не надев перед этим специальных перчаток. — Я красноречиво кивнула на собственные, которые в этот момент как раз стягивала.

— Спасибо за консультацию, мастер, — задумчиво протянул мужчина и коротко поклонился. Видимо, мои слова оказались убедительными, потому что ножны он сразу завернул в платок, не прикасаясь голыми руками. — И отдельное спасибо за предупреждение. Я не считаю подобные вещи суеверием. Всего доброго, — попрощался он, улыбнувшись, и положил на стол серебряную монету в качестве платы за консультацию.

— И вам удачи, — напутствовала я. Надев шляпу, мужчина покинул мою лавку. Я полагала, что навсегда, но вернулся посетитель очень быстро: не успела закрыться дверь, как снаружи прогремел взрыв.

Я присела от неожиданности, закрыв голову руками, но окна выдержали (не зря деньги потратила!). Зато не выдержала дверь, она влетела внутрь вместе с только что покинувшим меня «счастливым» обладателем странного кинжала.

— Поднять щиты! — гаркнула я, перекрывая доносящийся с улицы шум — крики, стоны, плач. По уцелевшим окнам и опустевшему дверному проему зазмеились льдисто-голубые плети защитного заклинания. — Ла-ар! — заорала, рискуя сорвать голос, выбралась из-за стойки и поспешила к мужчине, который не подавал признаков жизни.

— Да иду я, иду, — раздался со стороны внутренней двери ворчливый голос. На пороге стоял, словно бы раздвигая стены плечами, верзила с полуторным мечом и многозарядным пистолем наготове. — Что тут у тебя?

— Иди, глянь, ты в целительстве больше моего понимаешь, — попросила его.

Все, на что меня хватило, это понять, что недавний посетитель еще жив. Каким-то чудом его не убило взрывом и даже не поцарапало чем-то из моего же оружия, часть которого обрушилась со стены, а часть — с упавших стеллажей. Но мужчине и без того досталось: когда-то белая рубаха выглядывала в прорехи камзола багровыми клочьями. Плащ распахнулся и раскинулся по бокам от раненого темными крыльями.

Ларшакэн, верный друг и помощник, доставшийся мне «по наследству» от отца, только кивнул и, отложив клинок, присел рядом с пострадавшим. Я же, вооружившись *засеком* и коротким прямым мечом, скользнула к входу, пытаясь сквозь всполохи заклинания рассмотреть улицу. Не вполне доверяя защите, выглянула из-за стены.

— Ну, что там? — окликнул меня Лар.

— Тихо. Поблизости оказался пяток Пограничных, так что, считай, порядок наведен. Кажется, единичное воздействие.

— Больше тебе скажу, механическое взрывное устройство. Террористы какие-то, — брезгливо прокомментировал незамеченный мастер на все руки.

Я обернулась на тихое звяканье. Оказалось, пока я изучала происходящее за периметром, Лар уже начал операцию: по пояс освободил пациента от одежды и теперь вдумчиво выколупывал из пострадавшего какие-то металлические предметы.

— Ты справишься? Помощь нужна? — практично осведомилась, складывая оружие на стойку и опускаясь на корточки с другой стороны от пострадавшего.

— Лучше бы целителя, но, боюсь, у них и так сейчас дел невпроворот, на улице была толпа народа. Справлюсь. То ли рвануло далеко, то ли, что вероятнее, у него стояла защита: поражающих элементов немного. — Орудую пинцетом и тонким стилетом, прокаленными на зажигалке, Лар извлек очередной кусок металла, в котором легко можно было опознать покореженный шуруп. Основная часть повреждений пришлась на грудь — ни голова, ни ноги не пострадали. — Принеси спирта из кузницы и аптечку. И Кану попроси...

— Не надо Кану просить, Кана уже сама пришла, — слышался голос все от той же внутренней двери. Кана — третья и последняя обительница моего дома, тоже незаменимая: она следит за порядком, за нами с Ларом и заодно помогает в лавке.

Кана — местная уроженка, крепкая рослая женщина с длинной пшеничного цвета косой — вечное средоточие оптимизма и порядка. Даже угрюмый здоровяк Лар, бывший Пограничный с иссеченной шрамами мордой («мордой» — это по

собственному убеждению мужчины, и с очевидным трудно поспорить: при всем добродушии великана, его лицом можно пугать детей и слабонервных взрослых), прошедший все варианты Преисподней, иногда робел перед этой симпатичной женщиной средних лет.

Вообще, глядя на них, я все никак не могла понять, почему два одиноких человека, проживших в доме бок о бок лет десять и понимающих друг друга с полуслова, до сих пор не поженились? Пожалуйста, наглядный пример взаимопонимания без лишних слов: только он начал ее искать, а Кана уже тут как тут с тазом теплой воды, полотенцем и аптечкой.

Пока старшие оказывали помощь пострадавшему, я принялась за уборку, стараясь не мешаться под ногами. Правда, перед этим перенастроила свет, добавив яркости над «операционным столом». Лар проворчал нечто благодарственное, не прерывая своего экстренного дела. Минут через десять, когда я с криканием и тихой руганью сумела поднять один из стеллажей и уложить на него образцы, коротко брякнул звонок. Обернулась. За пеленой защитного заклинания стоял, сложив за спиной руки, достаточно молодой законник в темно-сером следователем мундире с лейтенантскими нашивками.

— Опустить щиты, — скомандовала я в потолок, и ленты чар послушно втянулись в недра дверной коробки. — Здравствуй, рен Ла'Ташшор, — приветствовала его улыбкой. Всех городских следователей я знала в лицо, им часто приходилось пересекаться со мной по рабочим вопросам. А этого — так особенно хорошо. — Как обстановка?

— Здравствуй, Нойшарэ. — Он слегка улыбнулся в ответ. — Целители сбились с ног, но вроде бы умерших пока нет. А это кто? — Мужчина кивнул на пациента.

— Посетитель, — не нашла я нужным что-то скрывать. — Приходил за профессиональной консультацией. Рвануло, когда он выходил.

— Приезжий, — задумчиво протянул следователь.

Работники системы охраны правопорядка избегают куда более распространенного в этих местах слова «чужак». Точнее, им предписывается его избегать: с обычных людей глупо за та-

кое спрашивать, а вот от государственных служащих требуют корректности.

Приграничье — это буферная зона между плоскогорьем, на котором обитают Серые, и человеческими землями. Естественной границей служит тектонический разлом, трещина с почти отвесными стенами. Ширина разлома меняется, в некоторых местах стены смыкаются плотно, и именно там находятся крепости и города Приграничья. Баладдар же, часто называемый сердцем Приграничья, расположен на широчайшем из перешейков.

Чтобы приехать стать в Приграничье своим, нужно здесь жить, завести детей и умереть. И тогда внуки этого покойника при условии, что все три поколения хорошо себя зарекомендуют, перестанут считаться чужаками. Но окончательно своими станут поколений через пять-шесть, и то при хорошем раскладе. Исключения, конечно, случаются, но — именно исключения, очень редкие.

Такой подход прост и логичен: когда живешь в состоянии перманентного военного конфликта, волей-неволей начинаешь доверять только проверенным людям. Среди местных нет преступников крупнее уличных воришек, нет серьезных размолок. Человек никогда не предаст человека, иначе здесь просто не выжить. Потому что есть свои — люди, и чужие — Серые. Местные это понимают и поэтому недолюбливают приезжих, которые еще не усвоили этой простой истины. Но все равно, когда доходит до серьезного дела, понятие «чужие» имеет только одно значение, определяемое видовой принадлежностью.

— Похоже, из столицы, — согласилась с ним. Заметив, что я с пыхтением поднимаю стеллаж, лейтенант кинулся на помощь, и вдвоем мы одним рывком водрузили конструкцию на место. — Уф, спасибо. Мне показалось, это офицер, может, бывший.

— Документов нет, — отозвалась Кана. — Наверное, в какой-то гостинице остановился.

— Ничего к сказанному дамами добавить не могу, — пожал плечами отставной Пограничный. — Я согласен с Ойшей, явно

военный. Мускулатура развита, и развита очень знакомо, чувствуется хорошая военная школа. И хорошие целители.

— То есть?

— Видел пару старых шрамов, едва заметных, которые имели шансы стать смертельными ранами, но он жив. Значит — одновременно оказались рядом хорошие целители.

Лейтенант подошел поближе к раненому, внимательно взгляделся, запоминая лицо. Потом кивнул в такт каким-то своим мыслям.

— Поспрашиваю, — кивнул Ла'Ташшор. — Вы его поддерживаете у себя?

— Да, конечно, — махнула рукой, раскладывая оружейные образцы на законные места. — Глупо его куда-то тащить, и так досталось бедолаге. Свидетели-то есть?

— Ищем, — поморщился лейтенант. — Но, скорее всего, все свидетели сейчас в руках у целителей: бабахнуло на тротуаре, прямо под вашими окнами. Шумно, но не так уж сильно. Белый знает, зачем и кому это понадобилось! Ладно, не буду вам мешать.

— Удачи, Таймарен, — напутствовали мы законника и продолжили заниматься своими делами.

Где-то через час невезучий посетитель, обмазанный терпко пахнущей зеленой дрянью из личной аптечки Ларшакэна и плотно перебинтованный, был устроен в жилой части дома. Я к тому времени навела относительный порядок в лавке, при помощи Лара навесила дверь, и теперь уже ничто не напоминало о случившемся, если не считать нескольких разбитых стекол в витражной двери и образовавшихся после падения оружия выбоин в досках пола. К счастью, сам товар не пострадал.

Время едва подобралось к полудню. За окнами уже вновь сновали люди, торопящиеся по своим делам. Раненых увезли быстро, место происшествия осмотрели еще быстрее, и город вернулся к привычному течению жизни. Как быстрая река, в которую бросили камень: звонкий «плюх» мгновенно смыло набегающим потоком.

Обычное утро в Приграничье.

До вечера появилось еще несколько покупателей, но обошлось без происшествий.

Приходил курьер с заказом от Пограничных. Для них все мастера, не только оружейники, периодически выполняют заказы с чисто символической оплатой, которой хватает только на материалы. Но никто не спорит, наоборот, стараются сделать получше, даже если себе в убыток: качественное снаряжение стражей спасает многие жизни, и речь не только о жизнях самих воинов.

По-хорошему, эти расходы должно компенсировать государство. Оно и компенсирует, причем, на неискушенный взгляд, с лихвой: довольствие Пограничных даже выше, чем у Королевской гвардии. Только для закупки нужного снаряжения по рыночным ценам в достаточном объеме необходимо повысить его раза эдак в два. Но в столице либо не понимают реального положения дел, либо понимают, но их полностью устраивает, что жители частично содержат Пограничных на свои деньги. Жители ворчат, но не спорят: от Пограничной стражи напрямую зависят наши жизни. Нет, зависит судьба всего королевства и даже, возможно, соседей, но это — уже потом, уже после регулярной армии. А здесь расклад проще: Серые-Пограничные-Приграничье. И каждый считает своим долгом внести как можно больший вклад в укрепление среднего звена.

Еще заходил заказчик за перележавшим неделю товаром и очень извинялся за задержку. Непонятным ветром занесло чудаковатого коллекционера, который часа два трепал мне нервы, но вознаградил за терпение приятной суммой, забрав пару плодов моего творчества: качественные, хорошие, по-настоящему уникальные парные клинки, созданные в порыве вдохновения, которые почему-то категорически не желали покидать лавку уже третий год. Еще один непонятный тип, похожий на охотника, взял тяжелый боевой нож и четыре комплекта метательных ножей.

В общем, если бы не утренние события, я бы назвала день удачным.

Подняв щиты и погасив свет, пробралась в столовую, она же — кухня, она же — гостиная. Не знаю, кто делал планировку

этого дома, но большую часть верхнего этажа занимает эта просторная комната, разгороженная только рядом опор, держащих на себе стропила крыши. Остальное пространство делит между собой несколько спален, три из которых числятся за постоянными обитателями, а еще две остаются «про запас». К приему гостей их нужно долго готовить (как минимум найти где-то в недрах кладовых матрацы), поэтому пострадавшего и устроили на диване в большой комнате.

Кладовые, к слову, занимают внушительную часть первого этажа между лавкой и одноэтажной кузницей-мастерской. По гордым заверениям Лара, там можно найти все что угодно, и я охотно в это верю. Честно говоря, оглядывая непостижимым образом систематизированные завалы, которые успел накопить этот хомяк-переросток, я каждый раз ожидаю, что на меня оттуда кто-то выпрыгнет. Например, одичавший Пограничный или заблудившийся в незапамятные времена отряд Серых.

В самом цивилизованном и аккуратном помещении дома обнаружилась Кана, которая сидела в кресле неподалеку от незнамого гостя и вязала. Выглядела она при этом очень непривычно, но уютно. Я запоздало вспомнила, что женщина давно уже обещала Лару шарф (у того от малейшего сквозняка сразу прихватывало шею — последствия застарелой травмы) и третьего дня наконец-то приобрела нужную шерсть.

— Как он? — тихо поинтересовалась, подходя к плите и засовывая нос поочередно во все кастрюльки и сковородки.

— Не очень, — честно откликнулась женщина также вполголоса и душераздирающе зевнула. — Думаю, ночью будет жар, придется дежурить.

— Давай посижу, — предложила я. — Как раз книжка хорошая попалась, дочитаю.

— Книжка хоть про любовь? — хихикнула Кана.

— В том числе, — уклончиво ответила ей, решив не разочаровывать. Книга содержала сравнительный анализ трех основных способов наложения плетений в процессековки. Если верить оглавлению, я наконец-то нашла труд, в котором приводилось подробное изложение сдвигов и поправок этих

плетений в зависимости от структуры металла, а не обычные безликие фразы с рекомендациями, для какого случая что лучше использовать.

Где-то через час домоправительница помыла посуду, распрощалась и ушла спать, а я приняла вахту у постели больного.

Плохо ему стало к трем часам ночи. О книжке я уже не вспоминала, сидела на стуле у изголовья кровати и едва успевала менять примочки, бормоча жаропонижающие заговоры. Конечно, целитель из меня никакой, но в комплекте с лекарством, с трудом влитым сквозь стиснутые зубы, и настоем для примочек должно было сработать. И прежде работало неплохо, во всяком случае, с Каной, когда та прошлой зимой сильно заболела.

Но сейчас то ли зелье выдохлось, то ли случай был особый, то ли настой какой-то не такой, то ли заговоры мои на этого пациента влияния не оказывали, однако лучше ему не становилось. Первое время на лице несчастного выступал пот, потом от озноба начали стучать зубы. Потом температура вроде бы пошла на спад, но мужчина стал метаться, кого-то звать — неразборчиво, сквозь сжатые зубы.

Встревоженная, я со стула пересела поближе к нему на диван и, придерживая за плечо одной рукой, принялась твердить все целебные заговоры, какие знала, перемежая их простым успокаивающим бормотанием.

А потом он выгнулся дугой, едва не уронив меня с дивана, и распахнул глаза — пустые, совершенно черные. Когда по плечам мужчины побежали фиолетовые искры и постепенно стали концентрироваться на кончиках пальцев, я ахнула и припомнила пару самых грязных ругательств, какие знала.

Вот только невменяемого ужасика в доме мне не хватало для полного счастья! Как мы вообще проглядели, что он маг?! Ужасик в горячечном бреде сотрет с лица мира десяток кварталов, если не целый город (кто знает, какая у него ступень?!), а сам останется жив и здоров, потому что стихия как хороший пес — хозяина не кусает.

Ужасниками в народе называют Повелителей Ужаса, магов-разрушителей, самых сильных из боевых магов. Естественная попытка за шуткой спрятать страх и непонимание, да и короче, опять же и звучит не так пафосно.

Я в панике заметалась, не зная, что предпринять. Оставить как есть — ударит, попытаться привести в себя посредством холодной воды или пощечин — тем более ударит. Куда ни плюнь — всюду рожи! Надо его как-то удивить, отвлечь, шокировать, чтобы он не воспринял мои действия как угрозу и проснулся просто от неожиданности...

И я решила на единственный достаточно безобидный и неожиданный вариант, пришедший в голову. Отчаянно мысленно матерясь (икалось половине пантеона, всем Серым и еще паре десятков знакомых и незнакомых живых и покойных людей), я своим незначительным весом навалилась на мага и запечатала ему рот поцелуем. Со всей самоотдачей и безоглядностью бросающегося на амбразуру героя.

Отреагировал он, к счастью, так, как и требовалось. Ну, почти... Перехватывать меня поперек туловища и заваливать на диван, подминая под себя, было совсем не обязательно.

«Только бы ребра не поломал!» — мелькнула заполошная мысль, и я сдавленно запищала, потому как на более активные действия решиться так и не смогла. Во-первых, он значительно сильнее, даром что в бреду и раненый. Можно сказать, я на собственной шкуре почувствовала все прелести «хорошей военной школы», помянутой давеча Ларом. А во-вторых, кто знает, как он, невменяемый, отреагирует сейчас на попытки жертвы спастись бегством?

Бездонно-черные глаза моргнули и стали нормальными, человеческими. От облегчения я даже прекратила жалобный писк: миновала гроза, очнулся!

Растерянно и часто моргая, он отстранился, ослабил хватку. Я наконец-то смогла сделать полноценный глубокий вдох и тут же, приободренная, принялась мягко, но настойчиво выворачиваться из объятий мага. Он не сопротивлялся, даже по собственной воле увеличил расстояние между нами, с трудом сел и заозирался.

Пока пациент ощупывал повязки, я с искренним облегчением сползла на прохладный пол, только тут заметив, что меня саму бросило в жар. И не поймешь, не то от страха, не то... нет, не хочу об этом думать!

— Кто ты? Где я? — осипшим голосом выдавил мужчина. Потом поднес руку к голове и осторожно улегся обратно на диван; видимо, сидеть было тяжело. — Почему я тебя целовал? Ничего не помню...

— Я бы тоже очень хотела узнать, кто ты такой, — прикрывая ехидством смущение, поднялась на ноги, одернула плеху и поправила ремень. Подвинула стул поближе, вооружилась миской с прохладным отваром и, не слушая возражений, плюхнула едва отжатую тряпку на лоб очнувшегося ужастика. Полегчать-то ему полегчало, но жар все равно не спадал. Мужчина поначалу попытался увернуться, но когда прохладная примочка таки шмякнулась на лоб, смирился и даже облегченно выдохнул. — А целовала тебя я. Ну, во всяком случае, так это выглядело изначально.

— А... почему? — осторожно уточнил он, справедливо подзревая подвох.

— Потому что, если ты еще не заметил, ты ранен. Из-за этого... ну или из-за чего-то еще, я не целитель, у тебя началась горячка. И ты буквально пару минут назад стал рефлекторно призывать магию. Видимо, привиделось что-то такое. А этот город и собственная жизнь мне дороги, и очень не хотелось потерять все из-за бредящего ужастика.

— Горячка, — вяло протянул он. — Я тебя вспомнил. Ты оружейник.

— Угу. Если тебя интересует загадка твоего перемещения из моей лавки на диван, да еще в таком виде, нет ничего проще. Едва ты вышел из лавки, какой-то умник рванул на тротуаре самодельную бомбу, и взрывной волной тебя вместе с дверью вернуло обратно. Мы тебя подлатали и притащили сюда.

— А почему сюда? — тихо уточнил он.

— Бомба взорвалась на улице, — терпеливо пояснила я. — Количество пострадавших исчисляется десятками, а твои ра-

ны оказались не столь серьезными, чтобы немедленно тащить к целителю, но достаточными, чтобы лишний раз не кантовать.

— Ты оказала мне медицинскую помощь, с иронией называешь «ужастиком», хотя только что предотвратила уничтожение ближайших окрестностей, и совсем не боишься. Ты очень странная девушка, — прикрыв глаза, пробормотал он.

— Добро пожаловать в Приграничье, — не удержалась я от смешка. — Мы тоже слышали страшные сказки про ужастиков, некоторые даже видели вашу братию в деле и искренне прониклись. Только все мы без исключения видели Серых. Когда на город прет лавина тварей, считающих тебя пищей и получающих искреннее удовольствие от человеческих воплей и боли, вот это — страшно. И то здесь никто не паникует, потому что мы выросли с этим страхом. При всем моем уважении к твоим талантам, ты здорово недотягиваешь до них в своей кошмарности. То же относится и к твоему первому замечанию: в Приграничье людей не бросают, это вопрос выживания.

— Как вы тут существуете? — пробормотал он.

— Хорошо существуем, — хмыкнула я. — Зато мы по-настоящему доверяем друг другу. Не слышала, чтобы этим могли похвастаться жители столицы. Ладно, довольно болтовни, тебе нужно поспать. Если что — я рядом, стони. — Переменив примочку (жар спадал буквально на глазах), я вернулась в покинутое пару часов назад кресло, где и вооружилась оставленной книжкой.

Сон одолел мага почти в то же мгновение, когда закрылись его глаза. Я сидела, прислушиваясь к ровному — ну, хвала богам! — дыханию пациента, единственному (если не считать тиканья ходиков) звуку в тяжелой тишине старого дома, и никак не могла сосредоточиться на чтении. Вновь и вновь прогоняла в голове события дня, начиная с того ножа, что принес лежащий на диване маг. Меня терзали смутные нехорошие предчувствия, опровержения которым найти никак не удавалось, зато подтверждений имелось множество. Да одного того, что наш гость — Повелитель Ужаса, хватило бы на десяток плохих предчувствий, потому что ребят этих очень мало, и корона их очень ценит.

Согласно официальной теории мироустройства имеются полусфера Хаоса и полусфера Порядка, в которые входят все стихии. Понятие «хаос» здесь употребляется не столько в метафизическом смысле, как изначальное ничто, сколько в более приземленном. Несмотря на условное деление сферы пополам, магов полусферы Хаоса на практике намного меньше, среди них существует всего две специализации — тьма и смерть. Первой владеют собственно Повелители Ужаса, боевые маги этого направления, второй — некроманты, условно «мирная» специальность. Иногда к полусфере Хаоса относят и архаичные техники вроде шаманизма или оружейного дела, но они лежат скорее на границе двух областей.

Значит, я угадала, он на самом деле офицер, вот только однозначно не отставной: такие боевые маги «бывшими» не бывают, тем более в сравнительно молодом возрасте. Тогда что он тут делает? Глупый вопрос, наверняка выполняет какую-то важную миссию! И снова все упирается в нож. Не простое любопытство привело ужастика ко мне, все та же работа, и кинжал с ней связан.

Может ли ужастик расследовать убийства, совершенные этим ножом? Или одно из убийств? Если да, то снова вопрос: как столичного жителя занесло в наши края?

Убийство совершено где-то здесь. Или нож этот найден здесь. И взрыв, надо полагать, являлся попыткой покушения на мага. Или предупреждением?

Но кто же он все-таки такой? А я ведь даже имя не спросила!

Мысли окончательно перескочили на личность ужастика, в памяти всплыли наиболее впечатляющие моменты нашего знакомства. Черные пустые глаза и колючие искорки силы, бегущие по рукам. И сами эти руки, обжигающе горячие, крепко, почти до боли стиснувшие меня в объятиях. И тяжесть сильного тела, прижимавшего к дивану. Приятная, волнующая тяжесть...

От последней мысли я вздрогнула и едва не выронила книжку.

Какого, слуги Белого, *приятная*?!

Постаравшись быть максимально честной с собой, я поняла — да, все именно так. Сейчас, когда миновала угроза, когда ужастик спал, можно было оглянуться назад и признать, что тот поцелуй мне понравился. Даже, наверное, стоило признать, что понравился и сам маг. Еще при первой встрече, на подсознательном уровне, а потом это самое подсознание предложило решение сразу нескольких вопросов — поцелуй.

Придя к таким выводам, я искренне ужаснулась. Теоретически в вопросе отношений полов я была подкована отлично, но эмоции, которые вызывал этот мужчина, оказались незнакомыми, непривычными и оттого — пугающими.

Но самое главное, от всего, связанного с ужастиком, пахло большими переменами, а большие перемены всегда к худшему. К хорошему приходится идти медленно, неторопливо, маленькими шажками. Жизнь развивается постепенно и трепетно, как проклевывается росток, как куется клинок. А внезапно и много бывает только боли: так приходит смерть, так проводят свои рейды неугомонные Серые.

Попытавшись отвлечься от тяжелых дум — как известно, они очень любят приходить именно ночью, — я вновь уткнулась в книгу и сама не заметила, как уснула. Наверное, первый раз в жизни уснула с книгой в руках.

Проснулась от тихого скрипа, вскинула голову и огляделась в поисках источника опасности. И почти тут же наткнулась взглядом на поднявшегося с дивана мага.

— Прости, не хотел тебя будить, — виновато проговорил он.

— А? Нет, ничего страшного. — Я помотала головой, зевая и растирая ладонями загривок. Шея успела затечь, но остальное в организме вроде бы функционировало нормально.

— Раз уж ты проснулась, скажи, пожалуйста, а где...

— Там. — Я махнула рукой в сторону коридора. — В конце коридора, дверь слева. А вообще сядь, давай помогу с повязками, и ты заодно примешь душ.

— Их уже можно снимать? — удивился он, покорно садясь.

— Их придется снимать, все равно мазь нужно сменить. — Я пожалала плечами и выбралась из кресла. — А ты пока расскажи, как умудрился выжить и поставить защиту от взрыва?

— Я ее не ставил, — поморщился мужчина в ответ.

— Значит, это чудо? — уточнила ехидно.

— Нет, не в этом дело. Я защитные чары никогда не снимаю, это уже вьевшаяся привычка. Постоянно поддерживать самые мощные заклинания, конечно, никаких сил не хватит, но на чары вполне приличного уровня я все же способен. К тому же я заметил, что в меня летит какой-то предмет и, кажется, успел сконцентрироваться на защите.

— Полезная привычка, — похвалила задумчиво. — То есть не в первый раз с тобой такое?

— Да как тебе сказать, — со смешком проговорил он. — На улице меня взрывают впервые. Надеюсь, здешние следователи что-нибудь накопают. Они ведь будут копать или надо написать заявление?

— Думаю, они уже этим занимаются, не ты один пострадал, — завершила его и сосредоточилась на осмотре.

Когда прощупала и едва ли не обнюхала все точки приложения мази, подтвердила прежний вердикт: повязки надо сменить. Маг наблюдал за мной с интересом, но помогать, к счастью, не пытался и потому не мешал.

— Какая чудодейственная мазь, — медленно проговорил он, нарушив тишину.

Я осторожно разматывала повязки, внимательно разглядывая места ранений. Секретная мазь Лара, которую ему готовил какой-то старый надежный приятель по службе, вновь показала себя с лучшей стороны: ранки покрылись сухими корками, вокруг них не было признаков воспаления, да и бинты не прилипли к коже.

Одно меня невероятно раздражало: из-за ширины плеч мага мне приходилось периодически буквально прижиматься к нему, чтобы дотянуться до противоположной стороны, и в такие моменты подкатывало смущение.

«Скорее бы ты наконец уехал!» — раздраженно подумала я, но вслух сказала другое:

— Мазь действительно хорошая, но главная причина твоего быстрого выздоровления в том, что раны несущественные. Лар повозился, вытаскивая из тебя всякую мелочовку, но ни один

из осколков не вошел глубоко. Хорошая «легкая защита». — Я искоса глянула на пациента.

— Какая есть. — Он пожал плечами.

Я же в очередной раз напомнила себе старую поговорку Приграничья: «Ветер перемен пахнет смертью». И лучшее, что можно сделать в данной ситуации, — не привлекать внимания и надеяться, что ветер сменит свое направление. Проще говоря, что маг уедет *до* того, как будет поздно. Поэтому предпочла замять тему и не задавать вопросов «кто ты на самом деле?» и «где ты выработал такие привычки?».

— А кто такой Лар?

— Лар — это я, — раздался от двери веселый голос упомянутого. — А мы там на цыпочках ходим, думаем, тут все спят!

Искреннее удовольствие мне доставило выражение лица ужастика. Вот его взгляд настороженно переместился на дверной проем, туда, где, согласно представлениям этого довольно высокого мужчины, должно находиться лицо вошедшего. А потом медленно-медленно пополз выше, до ссутуленных плеч и втянутой в них головы, которая в общем-то уже «вошла» в комнату: даже сжавшись, Ларшакэн в обычную дверь не проходил, приходилось нагибаться. Брови мага растерянно взмыли куда-то под челку.

Я не удержалась от хихиканья, настроение стремительно пошло вверх.

Лар ростом около двух с половиной метров. Хорошо, что в доме высокие потолки и он за них не цепляется! Говорят, его мамочка согрешила кое с кем из нелюдей. Глупости, конечно, но порой сложно в них не верить...

Он вошел в комнату *целиком*, подошел к нам и с высоты своего роста внимательно оглядел картину происходящего.

— Второй раз мазать не надо, — вынес вердикт доморощенный целитель. — Помощь требуется?

— Да сама справлюсь, — отмахнулась я. Тем более маг... точнее, повязки уже заканчивались.

— Сегодня работа есть, или опять нагар счищать в кузне? — прагматично поинтересовался Лар, присаживаясь на стул.

Стул нагрузку вынес с честью, даже не скрипнув: вся хрупкая мебель в этом доме развалилась уже очень давно.

— Есть. Сейчас Кана сделает завтрак, и отправим ее за стойку. От Пограничных вчера был курьер, через две недели придет за партией.

— Так мы же вроде все сделали?

— На четыре больше оказалось. То ли набор удачный, то ли кто-то из старых решил оружие поменять, то ли кто-то из других мастеров не осилил. В общем, придется повозиться, но за две недели должны успеть.

— Заготовки есть, пятники и гарды тоже оставались, а ручкатей ты вообще тогда заказала с большим запасом. Ну, если ничего больше не случится и если ничего не запорем в самый неподходящий момент, то — да, должны, — с некоторым сомнением проговорил он. — Ладно, пойду Кане про завтрак скажу и кузню приготовлю.

— Ничего себе, — прокомментировал маг. — Впечатляет. И это — целитель?

— Нет, это бывший Пограничный страж, — ответила ему. — Его-то ты можешь представить с молотом?

— Его — легко! — потрянул головой ужастик.

— Так, ну, кажется, все. Во что бы тебя только переодеть, — задумчиво пробормотала я. — Ларовы вещи точно не подойдут, мои — тем более, у Каны все откровенно женское... А! Что я мучаюсь, отцовские же рубахи остались. Я тебе на ручку двери повешу. Великовато, конечно, будет, но сойдет. Полотенца в стенном шкафчике. Эй, ужастик! — опомнившись, окликнула его, когда он уже почти вышел. — Как тебя звать-то?

— А я не... — Брови его опять удивленно взметнулись, отчего лицо стало вытянутым и донельзя забавным. Я неожиданно поняла, что наш гость моложе, чем кажется: по первому впечатлению ему можно было дать где-то сорок, а на самом деле он старше меня всего на несколько лет. Его старили взгляд и вечно нахмуренные брови, да и подобное телосложение характерно скорее для опытных, «заматеревших» воинов, а не для парня двадцати пяти лет. — Точно, не представился. С ума сойти! На «ты» мы уже перешли, а...

— Имя, имя твое как? — со смехом перебила его.

— Грай.

— Что, так и зовут? — опешила я.

— Это исторически сложившееся сокращение. Полностью — Тагренай. А тебя?

— Нойшарэ. Ойша.

Он кивнул и вышел, а я осталась наедине со своими мыслями. Интересно, какая такая история сжала его имя в одно из имен Вечно Мертвого — Белого — безжалостного бога смерти, тьмы, разрушения и саморазрушения, небесного покровителя полусферы Хаоса?

Нет, секунду, о чем это я? Не интересно! Совсем, ни капли! Не хочу знать, кто он и откуда. Хочу только, чтобы это средоточие загадок и магнит для неординарных событий поскорее оказалось как можно дальше от моего дома, а в идеале — и от всего Приграничья! Как бы он беду не накликал на весь город.

Раздраженно скомкав снятые бинты, я двинулась на поиски рубашки. Что-то — то ли опыт, то ли чутье — подсказывало: моим мечтам не суждено сбыться.

Глупые мысли поспешно покинули голову, стоило переступить порог святая святых. Тут уже чувствовалось горячее дыхание горна: Лар давно нашел общий язык со свившим здесь гнездо агнием, и на побудку у него уходило минут пять, что служило причиной моей искренней тихой зависти. С другой стороны, хоть агний слушался Ларшакэна беспрекословно, зато ко мне питал теплые дружеские чувства и даже позволял себя погладить.

Работалось легко. С самого начала удалось поймать за хвост вдохновение, которое очень быстро передалось Лару и даже огненному духу.

Кузня всегда была моим любимым местом. Мама умерла настолько рано, что я ее не помню, а кого мог воспитать из единственной дочери одинокий мастер-оружейник? Только сына и смену себе, поэтому самые первые впечатления моей жизни связаны именно с кузницей. В этих стенах я выросла, здесь научилась всем тонкостям ремесла предков.

Таинство рождения клинка с самого детства служит для меня, как и для прочих оружейников, олицетворением Мирового Колеса: из Хаоса, из Земли и Огня, в Воде и Воздухе, под мерными выверенными ударами молота медленно и осторожно создается хрупкое кружево Жизни, несущей с собой Смерть и повергающей мир в Хаос.

Наверное, это олицетворение имеет под собой очень прочную основу, не только космологическую, но и физическую. Не зря же старший бог у нас — Кузнец! Мне приятно думать, что именно процесс рождения клинка стал одной из причин, по которым огнестрельное оружие так и не вытеснило старую добрую сталь, что хором пророчили изобретатели. Даже у простого клинка, к которому не приложил своей руки оружейник — у обыкновенного кухонного ножа, — есть небольшой шанс пробить защиту мага, но никакие чары не заставят сделать то же самое пулю: отмахнуться от нее иногда проще, чем от насекомого. С другой стороны, и развитие огнестрельного оружия не останавливается на месте — амулеты, способные защитить от пуль человека без магического дара, штука довольно сложная и дорогая, поэтому против не-магов многозарядный пистоль весьма эффективен.

Вот и получается такое шаткое, хрупкое и необычное равновесие.

Лар мерно работал молотом, а я плела свои кружева. Слои за слоем огонь и сила рук кузнеца вбивали их в глубину металла, создавая причудливый, запутанный узор вязи стали и сил. Тонкая серебряная палочка Перста Указующего, ведущая за собой незаметную простому глазу нитку магии, казалось, жила в моих руках собственной жизнью, выписывая петли и то и дело касаясь раскаленной заготовки. Агний наблюдал за нашими действиями с всегдашним искренним любопытством, по команде послушно облизывая предложенную болванку.

Лучшее из всех возможных ощущений — когда не нужно мучиться, вычисляя, куда класть следующий узел, а просто отдаться силе, и она *сама* найдет себе место, единственно верное, когда все участники священнодействия работают со слаженностью частей одного тренированного тела.

Первый клинок вышел из наших рук к середине дня: почти рекорд, в среднемковка одного прямого меча такого качества, которое мы предлагали Пограничным стражам, требует около шести часов. Без учета работы над заготовками и последующего доведения клинка до ума, занимающего куда больше времени.

— Хорошо идет, — хмыкнул Лар, утирая пот со лба, и это были первые слова, произнесенные в душном чреве раскалившейся кузни. С жаром бодрствующего агния не справлялись никакие защитные заклинания, их просто коротило от его присутствия.

— Хорошо бы так и дальше шло, — отозвалась я, аккуратно укладывая исчерпавший себя Перст в резной ларец и вынимая из точно такого же сундучка заполненную магией палочку. Бывший страж в это время подвешивал горячий готовый клинок в крепления — остывать. — Персты кончаются, вечером заряжать буду. Три штуки всего есть. На этот заказ хватит, но лучше запастись. Уф!

— А не поплохеет? — подозрительно уточнил великан.

— Плохеет, если я без них останусь, — отмахнулась я. — Руками я так точно не сделаю, дольше провозимся. А вечером полбанки варенья съем, — облизнулась мечтательно. Любая работа с энергиями отнимает много сил, а лучший способ их восстановления — это проглотить что-нибудь сладкое.

— На тебя варенья не напасешься! — проворчал Ларшакэн. — Кстати, не хотел отвлекать в процессе, но сейчас спрошу: тебе правда этот красавец не мешает? — Он кивнул куда-то за мою спину.

— Какой кра...савец? — Обернувшись, я наткнулась взглядом на притулившегося в уголке давешнего гостя. Хмыкнула: — А ты что тут сидишь-то? Давно?

— Наблюдаю, — тихо ответил маг. — Никогда не видел работы оружейника. Это... красиво. Но если мешаю, я уйду.

— Да сиди уж, коль больше заняться нечем, — миролюбиво разрешила я. В конце концов, если до сих пор он умудрился ни разу не привлечь моего внимания, зачем гнать?

К тому же подобный интерес боевого мага — причем чутье подсказывало, боевого мага отнюдь не слабого — льстил. Нельзя сказать, что современные магистры относятся к нам, оружейникам, пренебрежительно: сложно пренебрегать тем, кто делает по-настоящему опасные для тебя вещи. Но держатся они всегда с подчеркнуто отстраненной вежливостью. Нет, понятное дело, попадаются всевозможные чудаки, пишущие исследования по «специфической предметной магии» оружейников, и некоторые из этих трудов действительно заслуживают уважения и пристального внимания. Но где-то в глубине души они всегда считали нас неким пережитком прошлого, и зерно истины в подобном мнении есть. Мастерство оружейника лежит на тонкой грани между магией, древними шаманскими практиками и ремеслом, и никуда нам от этого не деться. Да и нужно ли деваться?

— Может, перекусим? — с надеждой предложил Лар. Принципиальных возражений не было, вот только...

— Только без отрыва от производства, а то собьемся.

И мы потянулись в привычный угол, где Кана всегда оставляла бутерброды. Ворчала, что это вредно, но все равно оставляла, предпочитая не отвлекать от работы. Женщина вообще избегала лишний раз совать нос в кузницу — побаивалась агния, хотя и управлялась весьма ловко с его младшим куда менее разумным собратом искрием, живущим в плите.

Свой бутерброд получил и затаившийся в углу ужастик, и процессковки пошел дальше по накатанной.

Должно быть, со стороны мы выглядели странно и даже дико — жующие за работой в короткие промежутки времени, пока нагрелся клинок. Но это было как-то... уютно, домашнему, и совершенно не влияло на качество работы. А если и влияло, то в лучшую сторону, учитывая энтузиазм агния, с удовольствием слизнувшего с моей ладони предложенное лакомство и довольно заурчавшего в ответ. Цвет шкуры зверя почти мгновенно изменился с теплого оранжевого на желтовато-белый, и от него дохнуло жаром.

Впрочем, наш дух достаточно опытен, чтобы его игривое настроение не мешало работе.

ПАМЯТКА

*для того, кто впервые вступил на дикие восточные земли и
боится попасть впросак*

Агнии — род огненных духов. Чаще всего имеют вид крупной ящерицы (около полутора метров от кончика носа до кончика хвоста) с длинным рядом шипов на спине и кожистыми крыльями. Некоторыми неспециалистами ошибочно причисляются к драконам.

Белый мир — так северяне называют свою родину, которая официально именуется Северным краем. Всё остальное, что лежит за ее пределами, раньше опасливо именовалось «Мертвым миром»: согласно верованиям, за пределами обитаемых равнин есть только горы, подпирающие небосклон, и смерть. С приходом Турана эти представления, конечно, изменились, но одновременно опасливое и пренебрежительное отношение к пришельцам у большинства местных жителей сохранилось. Что, впрочем, не мешает уже почти традиционному местному «развлечению» — поиску невест в метрополии. Богатая урановой рудой и алмазами, но дикая и очень опасная земля, на которой чужаков не жалуют.

Верда — часть национальной одежды Приграничья, представляющая собой короткую, едва покрывающую ребра рубаху из толстой ткани с длинными прямыми рукавами и широкой горловиной.

Грок — жвачное животное, шестиногая сумчатая корова. При весе в полторы тонны имеет мозг чуть больше кошачьего,

обладает флегматичным темпераментом и очень толстой шкурой, которую пробьет далеко не каждый хищник, даже если очень постарается.

Дудка Кузнеца — вертикальное геологическое образование вулканического происхождения, заполненное спорцем — сложным минералом, содержащим включения других пород. Зачастую в спорце из таких месторождений встречаются алмазы.

Засек — сложной формы нож, часто применяется в паре с мечом. Представляет собой рукоять с двумя перпендикулярными ей лезвиями с одной стороны; одно, длинное и изогнутое, прикрывает локоть, второе, напоминающее несколько сросшихся языков пламени, используется для блокировки оружия противника. Держится обратным хватом. Специфическое оружие южных лаккатов Турана, в особенности — Приграничья.

Кузнец — бог жизни, старший из богов пантеона. Заодно — покровитель полусферы Порядка.

Кулуар — ложбина в склоне горы, направленная вниз по линии тока воды. Широкая в верхней части, сужается внизу. В холодное время в таких ложбинах собираются огромные массы снега, регулярно сходящие вниз лавиной.

Лопата Могильщика. Поскольку бога смерти зовут Могильщиком, а у могильщиков лопата непременный атрибут, некоторые смехачи описывают оную как боевое оружие бога. Прежде в Туране было принято зарывать мертвецов в землю, но сейчас этот обряд почти вытеснило огненное погребение, которое, в свою очередь, постепенно уступает место магическому обращению тел в прах, а предание трупов земле признано пережитком прошлого. Что, в свою очередь, только поспособствовало распространению и развитию истории «боевой лопаты»: копать могилы уже не надо, так не пропадать же инструменту зря! В давние времена за эту примитивную шутку

можно было получить обвинение в ереси и понести серьезную кару, вплоть до смертной казни, но сейчас жрецы гораздо лояльней. Или, вернее, светская власть, подкрепленная наукой и магией, серьезно потеснила позиции жречества, и у него просто руки стали коротки карать за каждую насмешку или глупость. Как, впрочем, и везде: здесь Туран мало отличается от большинства просвещенных государств.

Могильщик, он же Белый, Вечный Мертвый — бог смерти и покровитель полусферы Хаоса.

Плеха — национальная одежда (и женская и мужская) Приграничья, которая представляет собой облегающую безрукавку длиной до середины бедра с боковыми разрезами до талии, шнуровкой на боках и высоким воротником. Чаще всего шьется из тонкой, хорошо выделанной замши и зачаровывается от грязи и пота. Главное достоинство плехи — совсем не ее внешний вид, а тот факт, что она может служить заодно поддоспешником. В этом случае на плёху надевается *верда*.

Пограничная стража — особый род войск, охраняющих **Приграничье**. Отличаются удивительной выучкой и воинскими талантами, о которых слагают легенды.

Приграничье — лаккат Турана, расположенный на юго-востоке у основания Таришского полуострова. Суровый степной край, малоинтересный для путников.

Пряха — богиня судьбы и справедливости, жена Кузнеца.

Северяне — уроженцы самой северной части Турана, жестокого холодного высокогорного края. Обладают необычной для людей внешностью.

Слуги Белого — духи смерти, по вполне объяснимым причинам крайне неприятные существа.

Смертники — распространенное название магов смерти, они же некроманты. Слово имеет примерно то же происхождение, что и «ужастик».

Судья — бог мудрости и обучения, заодно — тот, кто исполняет вынесенный Пряхой приговор, то есть отвечает он еще и за возмездие.

Талламари — букв. «ледяная буря», вид исконных боевых искусств северян.

Тар — так северяне называют всех разумных, не принадлежащих к их народу, самоназвание северян — *талтар*. Часто последнее буквально переводится как «ледяной человек», а слову «тар» присваивается перевод «человек». Однако ввиду культурных особенностей этого народа подобное толкование неточно: полноценными людьми они считают себя, талтар, а все остальные, скорее, «недочеловеки».

Талхай — букв. «ледяной пояс», традиционное оружие северян. Одна или несколько тонких бритвенно-острых полос стали длиной около полутора метров и шириной около трех сантиметров, одним концом закрепленных на рукояти. Носится скрытно, на поясе, рукоять одновременно служит пряжкой.

Тигль — золотая монета, самая крупная денежная единица Турана.

Туран — третье по величине государство мира, одно из самых богатых. Вытянулось через весь материк, от тропических морей юга до вечных льдов севера, на его территории есть и степи, и болота, и непроходимые леса, а Северные горы вообще целиком считаются его территорией. Удивительная страна, многообразие народов и обычаев которой вызывает подлинное восхищение. Здесь два соседних лакката могут отличаться друг от друга, как отличаются небо и земля. Неопытному путе-

шественнику, неспособному постоять за свою жизнь, не стоит удаляться от центральных регионов этой страны и углубляться в глушь, особенно — в северные земли.

Ужастики — так в народе называют Повелителей Ужаса, магов-разрушителей, самых сильных из боевых магов. Естественная попытка за шуткой спрятать страх и непонимание.

Щит — медная монета, самая мелкая денежная единица Турана.

Эштар — государство, граничащее с Тураном на юго-западе. Славится своими пряностями, отличной сталью и ювелирами. Большую часть территорий Эштара занимают пустыни, а население в большинстве своем — нелюди.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. ВЕТЕР ПЕРЕМЕН	5
Часть вторая. СЛЕДЫ ИСТОРИИ	90
Часть третья. ТОЧКА СБОРКИ	175
Часть четвертая. СЕРДЦЕ ПРИГРАНИЧЬЯ	261
<i>Эпilog</i>	336
Памятка для того, кто впервые вступил на дикие восточные земли и боится попасть впросак	340